
МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

THINKERS OF THE PAST AND THE PRESENT

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 4 (510). С. 125–129.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;4(510):125-129.

Научная статья

УДК 1(091)

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-125-129

ГЕРЦЕН И НАПОЛЕОН III: ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ

Артем Александрович Кротов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, umo@philos.msu.ru,
0000-0002-0590-4020

Аннотация. Анализируется проблема свободы в философии Герцена сквозь призму его отношения к личности и политике Наполеона III. Отправляясь в эмиграцию, Герцен, как вспоминал впоследствии, испытывал чувство радости, вскоре сменившееся чувством горького разочарования в Европе. Воспринимая первого президента Франции, будущего императора, как шута и интригана, серую и посредственную личность, он трактовал его победу на плебисците как отречение народа от свободы. Государственный переворот во Франции он осуждал как разбойничье нападение, объясняя его успех собственными представлениями о роли случая в истории. Сложившееся положение дел во Франции, противоречия между президентом и законодательной властью не могли сохраняться сколько-нибудь долго. Стране требовался выход из политического тупика, он мог бы оказаться любым, не обязательно удачным, благоприятным для свободы. Так, по мнению Герцена, в итоге и случилось. В политике Наполеона III он, вопреки провозглашенному принципу национальностей, не признавал никакого стремления к освобождению различных народов. Его правление русский мыслитель характеризовал как деспотическое. Бонапартизм в целом для Герцена представлялся симптомом дряхлости и болезни Запада. Особенность и преимущество России в отношении перспектив ее развития он видел в общинном землевладении. Прежняя ее отсталость, по Герцену, обернется в будущем преимуществом. Герцен предостерегал Россию против союза с бонапартистской Францией, считая такого рода сближение пагубным для дела свободы. По существу, его размышления о свободе уточнялись, конкретизировались благодаря обращению к анализу бонапартизма.

Ключевые слова: Герцен, проблема свободы, философия истории, Наполеон III

Для цитирования: Кротов А. А. Герцен и Наполеон III: проблема свободы // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 4 (510). С. 125–129. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-125-129.

Original article

HERZEN AND NAPOLEON III: THE PROBLEM OF FREEDOM

Artem A. Krotov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, umo@philos.msu.ru, 0000-0002-0590-4020

Abstract. The article analyzes the problem of freedom in Herzen's philosophy through the prism of his attitude to the personality and politics of Napoleon III. Going into emigration, Herzen, as he later recalled, experienced a feeling of joy, soon replaced by a feeling of bitter disappointment in Europe. Perceiving the first president of France, the future emperor, as a jester and schemer, a gray and mediocre personality, he interpreted his victory at the plebiscite as the renunciation of freedom by the people. He condemned the coup d'état in France as a robbery attack, explaining its success by his own ideas about the role of chance in history. The current state of affairs in France, the contradictions between the president and the legislature, could not persist for any longer. The country needed a way out of the political impasse, it could be any, not necessarily successful, favorable for freedom. So, according to Herzen, in the end it happened. In the policy of Napoleon III, he, contrary to the proclaimed principle of nationalities, did not recognize any desire for the liberation of various peoples. In general, the Russian thinker characterized his rule as

despotic. Bonapartism for Herzen seemed to be a symptom of decrepitude and disease of the West. He saw the peculiarity and advantage of Russia in relation to the prospects for its development in communal land ownership. Its previous backwardness, according to Herzen, will turn into an advantage in the future. Herzen warned Russia against an alliance with Bonapartist France, considering this kind of rapprochement detrimental to the cause of freedom. In essence, his reflections on freedom were refined, concretized through an appeal to the analysis of Bonapartism.

Keywords: Herzen, problem of freedom, philosophy of history, Napoleon III

For citation: Krotov A.A. Herzen and Napoleon III: the Problem of Freedom. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(4(510):125-129. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-125-129.

Введение

Отношение к личности и политике Наполеона III — особая тема, затрагивающая одну из важных граней мировосприятия А. И. Герцена. Проблема свободы, волновавшая его на протяжении всей жизни, находит свое специфическое преломление в размышлениях о природе бонапартизма, судьбах Франции в сопоставлении с представлениями о будущем России.

Методы исследования

В статье используются следующие методы: герменевтический, феноменологический, сравнительно-исторический.

Наполеон III и Россия

Еще до прихода к власти Луи Бонапарт размышлял о месте России во французской политике. Так, в марте 1843 г. он публикует в газете («Успехи Па-де-Кале») статью под названием «Мнение императора об отношениях Франции с державами Европы». Поводом к ее написанию послужили споры о том, что для французов предпочтительнее — союз с Англией или Россией. Луи Бонапарт упоминал о том, что полемика не утихает на протяжении последних двенадцати лет. При этом участниками дискуссии предполагается, будто один из этих союзов совершенно необходим, даже неизбежен. Он ставит данный тезис под сомнение. По его мнению, для того чтобы являться могущественной и авторитетной силой в современном мире, Франция не нуждается во внешней точке опоры, в поддержке со стороны. Франции не нужен, настаивает он, «чужой голос», чтобы ее слышали в собрании европейских монархов. С другой стороны, страна вовсе не должна пребывать в международной изоляции. Дружеские отношения с иными государствами вполне логичны, но они должны выступать следствием длительных благожелательных контактов, а не спонтанного политическо-

го увлечения. Цитируя различные высказывания Наполеона, Луи Бонапарт стремится показать свое полное единомыслие с ним. «То, что происходит последние двенадцать лет, доказывает истинность и глубину мнения Наполеона» [11, vol. 1, p. 470]. Франции предначертана роль арбитра в европейских делах благодаря многим факторам: ее расположению, природному богатству, особой энергии ее народа. Это — «нация-солнце», но не «нация-сателлит».

Будучи императором, в марте 1854 г. он объяснял представителям законодательного корпуса необходимость войны с Россией интересами морали и цивилизации, побуждающими вступить в борьбу с опасностью, исходящей от колоссальной державы, «которая своими непрерывными завоеваниями охватывает Север и Юг, которая располагает почти исключительно двумя внутренними морями, откуда ее армии и флоту легко броситься на нашу цивилизацию» [12, p. 192–193]. Характерно, что современные французские историки усматривают в упомянутом военном противостоянии стремление к реализации амбиций Второй империи по занятию ведущего положения среди европейских держав. Так, Эрик Ансо замечает: «Восточная война возвращает Франции преобладание в Европе впервые после 1815» [10, p. 41]. Жан-Клод Ион усматривает в ее итогах «реванш за Ватерлоо» [14, p. 126]. Филипп Сеген связывает с Крымской войной «великий возврат Франции» в круг международных политических игроков [13, p. 244].

Представления Герцена о личности Наполеона III и совершенном им перевороте. Отличие Запада от России

В письме Герцена к А. А. Чумикову (9 августа 1851 г.) Луи Бонапарт фигурирует под именем «елисейского шута» [3, т. 24, с. 199]. Французский народ русский мыслитель в этот момент характе-

ризовал как готовый к революции, но не готовый к свободе.

В книге «Письма из Франции и Италии» (1854), в которой русский мыслитель соединил свои очерки 1847–1852 гг., он отмечал, что находит только отрицательные черты у Луи Бонапарта, рисуя красочный его портрет, где фигурируют и «мутные глазки», и «заспанное лицо», и «колоссальный нос». У Герцена явно вызывала отторжение политическая фигура, которую он воспринимал как редкую посредственность. «Действительно, нашему веку принадлежит честь производить таких пресных, бесхарактерных, бесплодных, стертых людей, как Пий IX, король прусский, Людовик-Наполеон и их *doyen d'âge*, отставной австрийский император» [3, т. 5, с. 197].

Избрание Луи Бонапарта президентом Франции Герцен расценивал как отречение народа от свободы. Совершённый затем президентом государственный переворот он осуждал как недостойный поступок: «Республика пала зарезанная по-корсикански, по-разбойничьи, обманом, из-за угла» [3, т. 5, с. 213]. Для Герцена первый президент Франции — интриган, откровенно презирающий народ. Успех Луи Бонапарта Герцен объяснял соображениями из области философии истории. Как и многие иные события, он явился зримым воплощением случая в истории. «Переворот второго декабря, как июньские дни, не имеет знамени, он имеет только собственное имя, бунтующую полицию, пьяных солдат, подкупленных генералов. Смерть явилась, как всегда, в острых болезнях, бессмысленно, с видом случайности, без разумного слова» [3, т. 5, с. 215]. Просто сложилось такое положение дел, что сохранение его стало невозможным. Требовался хоть какой-то выход из противоречивой ситуации, пусть и далеко не лучший. Он-то в реальности и осуществился.

В предисловии ко второму изданию книги (1858) Герцен вспоминал, как радостно он стремился в Европу, в эмиграцию, и как быстро его настигло разочарование. Восторг, охвативший его поначалу в связи с возможностью порвать с «николаевской Россией», местом его двух ссылок, сменился сомнениями, сопряженными с наблюдениями над французской жизнью. Более того: «начинается зловещее раздумие и патологический разбор. Пестрые декорации конституционной Франции ненадолго могли скрыть внутреннюю болезнь, глубоко разъедавшую ее» [3, т. 5, с. 9]. Русский мыслитель не видел ни сил, ни возможных организаторов экономического переворота, с помощью которого могло бы произойти возрождение

Франции. Отсталость России по сравнению с Западом теперь представляется ему преимуществом. Главным образом потому, что Запад достиг своего нынешнего состояния путем долгого развития и не может ни избавиться, ни отречься от приобретенного исторического груза. России, наоборот, легко отказаться от своей «боязни подражания», поскольку она в своем стремлении к заимствованию имеет дело с «искусственным балластом». Особенность и преимущество России в отношении перспектив ее развития он видел в общинном землевладении.

«Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил моим духовным возвращением на родину. Вера в Россию — спасла меня на краю нравственной гибели» [3, т. 5, с. 10].

Политика Наполеона III как симптом дряхлости Европы. Герцен о сущности бонапартизма

В брошюре «Франция или Англия?» (1858) Герцен ясно обозначил свои представления о перспективах внешней политики России. Он выдвинул тезис о том, что Россия не относится ни к Европе, ни к Азии, занимая совершенно особое положение в мире. Будучи сама по себе «новой частью света», она должна быть мало заинтересована в делах удаленных от нее стран, от смены власти в которых она бы ничего не приобрела, равно как и не потеряла бы. России нужно усвоить выдающиеся достижения других народов, но не стремиться постоянно вмешиваться в европейские дела. Всё же вопрос о возможном союзе с Англией или Францией скрывал для Герцена ответ, касающийся общих перспектив развития России. Союз с Францией в тот момент казался ему бесплодным, заключающим «рабство и войну» для нескольких народов. Союз с Англией может быть благоприятен для дела свободы в самой России. Ведь Англия консервативна в своем стремлении защищать личную свободу, а ее столица — «очаг пропаганды». Свою позицию русский мыслитель мотивировал общими соображениями о природе бонапартизма. «У меня нет ни малейшего намерения нападать лично на французского императора — я далек от этого: я смотрю на него как на роковое орудие; я вижу на лбу его трагическое клеймо... Бонапарты — как и Цезари — не причины, а только следствия, симптомы. Это бугорки на легких отжившего свой век Рима. Это болезнь дряхлости, малярии; это сила судорог, бессмысленная энергия горячки... Бонапартизм, заметьте это хорошенько, подобно бреду, не имеет ни цели,

ни принципа; это противоречие, костюмированный бал» [3, т. 13, с. 240–241].

Будущее человечества русский мыслитель связывал с социализмом, но не предрешал времени, места и формы его торжества. «Именно во Франции социализм из страсти, каким он был во времена Гракха Бабёфа, сделался религией с Сен-Симоном, учением с Фурье, философией с Прудоном. Можно ли из этого с достаточным основанием заключить, что общественное возрождение, которое впервые было провозглашено во Франции, именно во Франции и осуществится? — Мы не думаем этого» [3, т. 13, с. 245]. Впрочем, он добавлял, что если Франции удастся выйти обновленной из охватившего ее кризиса, то она могла бы воплотить социализм как идеал революции. С другой стороны, возможно, что ей суждено лишь завещать эту задачу другим народам. «Будущее изменчиво», довольно неопределенно.

В статье «Война и мир» (1859) Герцен, разграничивая причины боевых действий и поводы к ним, утверждал, что Наполеона III столь же мало занимает свобода итальянского народа, как мало интересы Турции были центром внимания европейских держав, недавно боровшихся с Россией. В статье «Русские немцы и немецкие русские» (1859) он говорил о том, что Июльская монархия во Франции по-своему уравнивала революцию и консерватизм, хотя и не была превосходной формой государственного устройства. На тот момент она была подходящей стране просто потому, что народ не был готов к чему-то лучшему. Поэтому ее падение усугубляло ситуацию, отодвигало мечты о свободе. «Монархическая власть вообще выражает меру народного несовершенности, меру народной неспособности к самоуправлению; к какой же подаче всеобщих голосов была готова Франция? Она была готова к деспотизму, он и явился под фирмой Бонапарта» [3, т. 14, с. 166].

24 ноября 1859 г. (письмо к М. А. Маркович) Герцен связывал политику Наполеона III с общей безрадостной перспективой для Европы: «Запад еще осунулся и еще ближе к смерти. Наглое вмешательство Наполеона в дела Италии и отставка Гарибальди — это такие два шага, от которых не поздоровится» [3, т. 26, с. 310].

В статье «Порядок торжествует!» (1866–1867) Герцен развивал мысль о том, что исторический процесс предполагает двустороннюю связь элементов: и события формируются людьми, и наоборот. В качестве примера он приводил тактику Наполеона III на его пути к власти. Тот вовремя понял, что Франция напугана революцией, что

ей достаточно видимости, а не реальной свободы, осознал меркантильность мотивов и ожиданий значительной части современников. Он также понял бессилие той части общества, которая на деле стремилась к социальному перевороту. Он уловил, что масса населения не имеет представления об идеях этой части общества. Соответственно, наблюдая за громогласными выступлениями разных партий, он спокойно и безмолвно выжидал, когда обстоятельства позволят ему воплотить в жизнь мечты о власти.

Герцен в зеркале философских оценок

В философской литературе оценки взглядов Герцена зачастую определялись собственной мировоззренческой позицией исследователя. Так, Н. А. Бердяев следующим образом резюмирует свое отношение к Герцену: «Это если и не самый глубокий, то самый блестящий из людей 40-х годов. Он первый представитель революционной эмиграции. Этот русский западник пережил глубокое разочарование в Западной Европе... В лице Герцена западничество соприкасается со славянофильством» [1, с. 94–95]. Для Иванова-Разумника самое важное в другом: «ярко антимещанское требование широты и глубины личности всегда стоит у Герцена на первом плане» [5, т. 2, с. 10]. Г. В. Плеханов дает следующую оценку: «мысль Герцена о свободе личностей, действующих в истории “по-своему”, может быть названа алгеброй исторического идеализма в его применении к философии практического действия, иначе — алгеброй утопизма» [9, с. 711]. С. Н. Булгаков полагал, что «Атеизм Герцена... есть ключ к пониманию всей его духовной драмы» [2, с. 97]. Н. О. Лосский констатировал: «Философия интересовала его постольку, поскольку ее можно было применить на практике, в борьбе за свободу и достоинство личности, за осуществление социальной справедливости» [7, с. 80]. В. В. Зеньковский утверждал: «в Герцене ярче, чем в ком-либо другом, секуляризм доходит до своих тупиков» [4, т. 1, ч. 2, с. 74].

В современных исследованиях отмечается, что «несмотря на нерешенность многих вопросов, связанных с проблемами социальной философии, сама постановка их Герценом способствовала развитию русской философии» [8, с. 184]. А. П. Козырев, подчеркивая, что Герцен «беспощадно ниспровергает логический провиденциализм в истории», характеризует его как «полупозитивиста, атеиста и антиклерикала, но эстетика жизни» [6, с. 77].

Заключение

В размышлениях Герцена о бонапартизме и политической жизни Франции вообще нашло свое преломление присущее ему стремление к свободе. Не менее важно и то, что сквозь призму упомянутых размышлений он формировал свои представления о будущем России и Европы. Ни личность, ни политика Наполеона III не вызывали у Герцена симпатий. В поддержке французами бонапартизма на плебисците он видел отречение от свободы. Союз России с Францией, по его мысли, привел бы к тому же результату. Наполеон III в глазах русского мыслителя — интриган и посредственность, по воле истории, в силу случая оказавший-

ся на гребне политического успеха. Политику Наполеона III он рассматривал как один из симптомов упадка Запада. Ориентироваться на нее для России бессмысленно, да и нет нужды потому, что родная страна для Герцена — особая часть света, отличающаяся и от Европы, и от Азии. Ее особый путь он связывал с общинным землевладением, а свободу в целом — с общественными преобразованиями в духе социальной справедливости. Отрицательное отношение к бонапартизму в немалой степени способствовало выработке представлений Герцена об особом пути развития России.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М. : Наука, 1990. С. 43–271.
2. Булгаков С. Н. Душевная драма Герцена // Булгаков С. Н. Соч. : в 2 т. М. : Наука, 1993. Т. 2. С. 95–130.
3. Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1954–1966.
4. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Л. : Прометей, 1991.
5. Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли : в 3 т. М. : Terra, 1997.
6. Козырев А. П. Две модели историософии в русской мысли (А. И. Герцен и Г. В. Флоровский versus софиология) // Соловьевские исследования. 2001. № 2. С. 73–86.
7. Лосский Н. О. История русской философии. М. : Высшая школа, 1991. 559 с.
8. История русской философии / под ред. М. А. Маслина. М. : Республика, 2001. 639 с.
9. Плеханов Г. В. Философские взгляды А. И. Герцена // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. М. : Соцэкгиз, 1958. Т. IV. С. 679–737.
10. Anceau E. Introduction au XIX siècle. Paris : BELIN, 2003. Т. 1. 224 p.
11. Napoléon III. Œuvres. Paris : Plon, 1856. Vol. I–IV.
12. Napoléon III. La politique impériale exposée par les discours et proclamations de l'empereur. Paris : Plon, 1868. 503 p.
13. Séguin P. Louis Napoléon le Grand. Paris : Grasset, 1990. 447 p.
14. Yon J.-C. Le second empire. Paris : Armand Colin, 2022. 403 p.

Информация об авторе

А. А. Кротов — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета.

Information about the author

A. A. Krotov — Doctor Sci. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of World Culture of the Faculty of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 27.02.2026; одобрена после рецензирования 06.04.2026; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 27.02.2026; approved after reviewing 06.04.2026; accepted for publication 15.04.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.